

КОРИНФ, МЕГАРЫ И СИКИОН НАКАНУНЕ КОРИНФСКОЙ ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

*Работа представлена кафедрой всеобщей истории и археологии
Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. Г. Зубарев*

В статье изложена история полисов Коринфского перешейка в первое десятилетие после окончания Пелопоннесской войны 404–395. Выявляются особенности их внутренней и внешней политики. Анализируются события, приведшие к обострению отношений Коринфа и Мегар со Спартой.

Ключевые слова: Коринфская война, Коринф, Мегары, Сикион, олигархия, демократия.

A. Shatalov

CORINTH, MEGARA AND SIKYON ON THE EVE OF THE CORINTHIAN WAR: PECULIARITIES OF DOMESTIC AND FOREIGN POLICY

The article covers the history of the city-states of the Corinthian isthmus during the first decade after the end of the Peloponnesian War 404–395 B. C. Special features of their foreign and domestic policy are revealed. The events which led to strained relations between Corinth, Megara and Sparta are analysed.

Key words: Corinthian War, Corinth, Megara, Sikyon, oligarchy, democracy.

Первое десятилетие после окончания Пелопоннесской войны можно назвать временем утверждения в греческом мире Спартанской гегемонии. Поражение Афин уничтожило равновесие сил в Элладе и открыло лакедемонянам возможность проводить более активную внешнюю политику по всем направлениям: в Балканской и Великой Гре-

ции, Малой Азии и Египте. Действия Спарты по укреплению своего лидерства и созданию собственной системы господства не могли не вызвать нового всплеска напряженности в межполисных отношениях, что, в конце концов, очень скоро привело к очередной междоусобице, получившей в историографии название Коринфской войны.

В рамках проводимого нами диссертационного исследования, целесообразно обратиться к вопросу о позиции Истмийских полисов накануне этого конфликта, рассмотреть особенности их внутривойсковых отношений, а также выявить факторы, определявшие вектор внешней политики и прежде всего отношения со Спартой.

Письменные источники о Коринфской войне и времени предшествовавшему ей, в общем, немногочисленны, но достаточно содержательны. В основном, мы опирались на довольно подробные указания Ксенофонта, Диодора Сицилийского и на так называемый «Оксиринхский папирус». Помимо этого, ценные сведения содержат сочинения Фукидида, Павсания, Плутарха, Полиэна и Юстина. Некоторые замечания о внутривойсковом развитии интересующих нас полисов можно почерпнуть в речах древних ораторов Демосфена и Лисия, а также в диалогах философов Платона и Сократа.

Литературу об этом конфликте можно назвать даже обширной. Его, естественно, не могли обойти вниманием авторы как общих трудов по истории античной Греции [5, с. 465–485; 7, р. 24–47; 11, р. 181–201; 17, р. 386–400] и межполисных отношений, так и исследователи собственно истории Коринфа [9, р. 236–256; 16, р. 342–370], Мегар [13, р. 257–271; 14, sp. 189 ff.] и Сикиона [6, sp. 2539; 8, 125–128; 18, р. 82–91]. Помимо этого существуют специальные работы, посвященные различным аспектам Коринфской войны [10; 12, р. 322–341; 15, р. 64–81].

В отечественной историографии эти события не нашли столь полного и всестороннего отражения. Можно упомянуть лишь работы Л. Г. Печатновой [3, с. 369–412] и Э. Д. Фролова [4, с. 257–286]. Еще следует отметить диссертацию А. Ю. Можайского [2, с. 142–160], в которой рассматриваются проблемы Коринфской войны в контексте внешнеполитического курса Фиванского полиса в классическое время.

Как видим, недостаточная разработка данной проблемы в отечественной историографии еще раз доказывает актуальность нашего обращения к этому сюжету, что не

только позволит восстановить события в отдельном взятом регионе, но и добавит ряд штрихов в общую картину греческой истории рубежа V–IV вв. до н. э.

Державное перерождение Спарты очень скоро стало ощущаться как весьма тягостное даже такими ее старинным союзникам, как Коринф, Сикион и Мегары. Как ни странно, но уже во время Пелопоннесской войны в приистмийских полисах стали проявляться первые ростки недовольства политикой Спарты (Thuc., V, 17, 2; 22, 1, 2; 25, 1; 27 сл.; VI, 10, 3). А в последующее за войной десятилетие противоречия между давними друзьями еще более углубились. Причины этого вполне ясны. Мало того что союзники не получили от победы в войне никаких материальных, территориальных или коммерческих выгод, к тому же были уязвлены отказом Спарты разрушить Афины, собственно тем, за что они боролись без малого 30 лет. Но еще большую настороженность вызывало ужесточение контроля и активное вмешательство спартиатов во внутренние дела государств-членов Пелопоннесского союза. Итак, перейдем к рассмотрению событий в полисах.

Со времени поражения Афин Коринф оказался вовлеченным в череду событий, которые иллюстрируют нарастание недоверия и враждебности между коринфянами и лакедемонянами. Так, в 404 г. до н. э. спартанцы проигнорировали требование Коринфа и Фив разрушить Афины. В ответ коринфяне никак не отреагировали на требования Спарты не предоставлять убежища афинским политическим изгнанникам (Aeschin., II, 148). В следующем 403 г. до н. э. Коринф отказывается присоединиться к походу царя Павсания с целью восстановления тирании тридцати в Афинах (Xen. Hell., II, 4, 29, 30). Вряд ли это можно расценивать как изменение отношения к афинянам и симпатии к демократии, скорее это было проявление недовольства политикой Спарты. Затем, в 400/399 г. до н. э. коринфяне вновь отказались поддержать спартанский поход против Элиды (Xen. Hell., III, 2, 25; Diod., XIV, 17, 7). Наконец, весной 396 г. до н. э. они уклонились от участия в походе Агесилая против Персии, мотивируя

свой отказ дурным предзнаменованием (Xen. Hell., II, 2, 19; III, 2, 25; 4, 4). Попытка объяснить причину отказа свидетельствует нам о неготовности Коринфа открыто сопротивляться воле Спарты.

В последующем события разворачиваются с удивительной быстротой. Персидский царь посылает своего эмиссара Тимократа с тем, чтобы он подкупил представителей сильнейших полисов Греции, дабы подтолкнуть их к войне против Спарты. Среди получателей денег мы находим и представителей Коринфа (Xen. Oxy., 7, 2–5; Xen. Hell., III, 5, 1; Paus., III, 9, 8). Затем, беотийцы, заключив союз с Афинами, спровоцировали военный конфликт со Спартой и разбили лакедемонскую армию Лисандра в сражении под Галиартом (Xen. Hell., III, 5, 4–24; Xen. Oxy., 18; Diod., XIV, 81, 1–3; Plut. Lys., 28, 29; Paus., III, 5, 3–5; 9, 10–11). Коринфяне вначале заняли выжидательную позицию, хотя и отказались присоединиться к Павсанию (Xen. Hell., 5, 17–23), но после поражения Спарты сразу же заключили оборонительный союз с Афинами, Беотией и Аргосом (Diod., XIV, 82, 1; Andoc., III, 22). В следующем году началась Коринфская война.

Итак, мы видим, что коринфо-спартанские отношения ухудшались постепенно: от недовольства и отказов поставлять контингенты в союзную армию до фактического объявления войны. Главный вопрос – почему же коринфяне решились на войну со своим старым союзником? – ведь нам неизвестно о существовании каких-либо прямых вмешательств лаконцев в дела Коринфа. Судя по всему, старые союзники, и тем более Коринф, избежали установления декархий и гармостов [3, с. 382].

Историческая традиция сохранила несколько версий происхождения. Так, Юстин говорит о недовольстве коринфян отказом Спарты разделить добычу и трофеи по итогам Пелопоннесской войны (Just., V, 10, 12, 13). Ксенофонт возлагает ответственность за развязывание войны на Персию, с ее взятками от Тимократа (Xen. Hell., III, 5, 1, 2). К этим утверждениям может быть добавлена объективная причина войны, предложенная

Диодором, который полагает, что всему виной гегемонистская политика Спарты по отношению как к своим союзникам, так и к противникам (Diod., XIV, 82, 2). Американский исследователь коринфской истории Дж. Сэлмон главную причину коринфо-спартанского антагонизма видит именно в активной внешней политике Спарты, которая явно угрожала свободе и безопасности Коринфа [16, р. 346, 347]. Действительно, Спарта полностью доминируя в Пелопоннесе, стремится расширить свое влияние в центральной Греции, проявляет интересы в Великой Греции, проникает в Египет, а главное, пытается закрепиться в Малой Азии и Эгеиде.

Но, на наш взгляд, такой подход к решению проблемы страдает однобокостью, и следовательно, необъективен. Не стоит забывать, что война – явление социально-политическое, а потому внешнюю политику Коринфа также необходимо рассматривать в тесной связи с внутривнутриполитическими и экономическими отношениями в этом полисе.

Так, Д. Кэген, а вслед за ним Ч. Гамильтон совершенно справедливо, объясняют двойственность и двусмысленность действий Коринфа во внешней политике в период с 404 по 395 г. до н. э. политической борьбой двух соперничающих фракций внутри полиса [10, р. 182–211; 12, р. 321–341].

Как известно, со времен падения тирании Кипселидов в середине VI в. до н. э. власть в полисе принадлежала олигархам. Но олигархи в начале IV в. до н. э. были неоднородны и состояли из двух социальных групп (фракций). Первая – так называемые «аристократы». В нее входили представители древней сельскохозяйственной знати и крупные землевладельцы, олицетворявшие консервативную политическую традицию. Эта группа людей мало пострадала от Пелопоннесской войны, а заключение мира принесло им только выгоду, так как привело к снижению налогового бремени. Их доходы не зависели от торговли, и следовательно, «аристократы» были против любой войны, тем более со Спартой, которая могла повлечь за собой только расстройство и разорение.

Вторая группа – «олигархи», ее представляли люди, благосостояние которых основывалось на торговле и производстве товаров на экспорт. Этот социальный слой понес самые значительные убытки во время Пелопоннесской войны. Щедро оплачивая в течение 27 лет все военные издержки, и не получив даже драхмы от победы, они четко стали осознавать, что союз со Спартой был бесплоден. Не желая быть сторонними наблюдателями утверждения господства лакедемонян в Греции, они ратовали за новую войну, которая бы вернула им и их полису былое экономическое процветание.

Была и еще одна сила, пусть и незначительная. В это время здесь возникает уникальная для политического опыта Коринфа демократическая фракция. Основу ее составляли мелкие торговцы, ремесленники и моряки, чье благосостояние, так или иначе, зависело от темпов торговли. Их материальное состояние, вероятно, стало настолько низким, что вызвало к жизни политическое течение, несвойственное для Коринфа. Они также желали войны, видя в ней способ решения своих экономических бед, с ее обещаниями увеличения занятости, добычи и завоевания новых рынков [12, р. 337–339]. Тем не менее, на наш взгляд, не стоит считать демократическое меньшинство и его лидеров, получивших взятки от персидского царя, главными «виновниками» вовлечения коринфян в войну. Эта фракция была еще очень слаба и вряд ли могла существенно влиять на внешнюю политику в полисе.

Таким образом, внутри Коринфского государства существовали силы, способные изменить вектор внешней политики, от сомнительного союза со Спартой к военному противостоянию. Совершенно справедливо, что «олигархические» члены коринфского правительства и их демократические сторонники были в состоянии противодействовать миролюбиво настроенным аристократам. В конце концов, после 10 лет борьбы и выжидания «партия войны» взяла верх.

Теперь рассмотрим развитие событий в Мегарском полисе. Как и другие союзники Спарты, Мегары оказались в стане победите-

лей, но ощутимых дивидендов от этого они не получили. Скорее наоборот, действия Спарты вызывали только негодование и подозрительность. Мегары были слишком слабы и уязвимы, чтобы напрямую бросить вызов Спарте, как это впоследствии сделали Коринф и Фивы, и все же некоторые шаги они предпринимали. Так, мегаряне представляли убежище изгнанным во время тирании тридцати афинянам-демократам (Xen. Hell., II, 4, 1; Lys. XII, 17) и отказались предоставить гражданство одному из офицеров Лисандра (Dem., XXIII, 212). Но когда спартиаты потребовали прекратить подобную практику, Мегары, видимо, подчиняются. Этот факт свидетельствует о зависимом положении полиса в это время от воли Спарты.

Касательно политического строя Мегар в это время – до нас дошло лишь несколько упоминаний, способных пролить свет на эту проблему. Во-первых, из Фукидида мы знаем, что в 424 г. до н. э. при помощи спартанского полководца Брасида в городе был произведен государственный переворот. По его словам, в полисе установилась «самая крайняя олигархия» (Thuc., IV, 74, 3, 4), т. е. такая форма правления, при которой власть принадлежит очень малому кругу людей. Фукидид отмечал, что режим этот продержался длительное время (Thuc., IV, 74, 5). Источники ничего не говорят нам, о том как долго просуществовала здесь «крайняя олигархия». Это дало основание некоторым исследователям критически отнестись к сообщению Фукидида и полагать, что она пала вместе с выходом Мегары из Пелопоннесского союза в 421 г. до н. э. [10, р. 195].

На наш взгляд, сложно согласиться с такой позицией. Фукидид отмечает длительность существования установившегося государственного устройства в Мегарах и, что более важно, говорит об этом в прошедшем времени: «сохранявшееся долгое время» (Thuc., IV, 74, 5). Видимо, к моменту написания Фукидидом этой части своего труда режим «крайней олигархии» пал, а следовательно, данное событие произошло не позднее 400 г. до н. э. Косвенно это подтверждается и указанием Платона о политическом

строе Мегар в начале IV в. до н. э., который он характеризует термином *eunomountai*, т. е. «хорошо управляли» (перевод мой. — А. III.) (Plat. Crito, 2, 53 b). Несомненно, такой термин греческий философ мог применить только к режиму умеренной олигархии. Так или иначе, мы можем предполагать, что во внутриполитической жизни накануне Коринфской войны Мегары достигают стабильности при умеренном олигархическом режиме.

Антиспартанские настроения продолжали расти, и в 395 г. до н. э., как уже отмечалось, сформировалась антиспартанская коалиция, включая Афины, Фивы, Коринф и Аргос (Xen. Hell., III; Diod., XIV, 81). Новый союз создавал серьезную угрозу безопасности Мегарам. Достаточно взглянуть на карту, и мы увидим, что Мегары были полностью окружены. И если бы мегаряне сохранили верность спартамцам, то они оказались бы еще более уязвимы, чем были во время Архидамовой войны. Спартамцы, в свою очередь, в данной ситуации не имели возможности защитить территорию Мегариды. С военной точки зрения, положение Мегары было безнадежным.

Было бы неудивительно, если при таких обстоятельствах Мегары присоединились к своим соседям в войне против Спарты. Некоторые историки, основываясь на отсутствии в источниках свидетельств о разорении мегарской хоры и вкладе мегарян в силы спартанского войска, предполагают, что именно так мегарцы и поступили. Также они обращают внимание на ту легкость, с которой войска антиспартанской коалиции передвигались через территорию Мегариды [14, sp. 192; 16, p. 365]. На наш взгляд, эти доказательства выглядят неубедительно. Более правдоподобной видится версия Р. Легона, который считает, что мегаряне не предоставили военную помощь ни Спарте, ни борющейся с ней коалиции. Другими словами, внешняя политика полиса накануне, да и во время Коринфской войны, возможно, была *de facto* или даже *de iure* нейтральной [13, p. 265].

Среди полисов Коринфского перешейка самое незавидное положение занимал Сикион. Традиционно считается, что он находился

в полузависимом положении от Спарты [6, Sp. 2543; 8, p. 79; 17, p. 176]. Как и другие союзники, Сикион не получил от победы в Пелопоннесской войне никаких материальных выгод, но в отличие от своих восточных соседей, не проявлял по этому поводу особого недовольства. Такое смирение, кажется, легко объяснимо. Дело в том, что еще во время войны произошло событие, превратившее Сикион фактически в вассала Спарты. Еще в 418/7 г. до н. э. лакедемоняне с помощью войск установили здесь, так называемую «крайнюю олигархию» (Thuc., V, 81, 2), при которой вся полнота власти принадлежала небольшому кругу лиц, опиравшемуся не столько на поддержку масс, сколько на военную мощь спартиатов. От них в благодарность за свое возвышение, требовалось одно — слепо подчиняться всем желаниям Спарты.

Повествуя об этом событии, Фукидид ничего не говорит нам о предшествовавших ему антиспартанских выступлений. На наш взгляд, столь резкое и, казалось бы, необоснованное вмешательство во внутренние дела Сикиона обусловлено прежде всего желанием Спарты упрочить свои позиции в приистмийском регионе. Напомним, в это время в центральной Греции практически сформировался опасный для Спарты союз в составе Аргоса, Коринфа и Беотии [1, с. 147–150]. Как покажут дальнейшие события, эта акция лакедемонян принесла им ощутимые плоды, ибо на протяжении долгого времени, вплоть до начала 60-х гг. IV столетия до н. э. сикионцы твердо придерживались проспартанского курса во внешней политике [18, p. 153].

Из-за больших пробелов в исторической традиции сложно говорить о существовании здесь оппозиции правящим олигархам. Но, как показывает опыт, там, где есть узурпация власти, обязательно найдется место несогласным и недовольным. Судя по всему, оппозиция существовала, но она, вероятно, носила не демократический, а аристократический характер и активных действий не предпринимала.

Таким образом, действия Спарты по укреплению и расширению своего господства в греческом мире и политическая победа «пар-

тии войны» внутри Коринфского полиса стали залогом изменения его внешней политики от союза со Спартой к конфронтации. Большим событием в политической жизни полиса явилось возникновение новой, несвойственной олигархическому Коринфу, демократической оппозиции.

Несколько иной была ситуация в соседних Мегарах. Ослабленный Пелопоннесской войной и низведенный до ранга второстепенного, Мегарский полис, как кажется, обрел внутривнутриполитическую стабильность.

Трезвая оценка своих скромных возможностей заставила правящую олигархическую верхушку Мегар искать компромиссные варианты в межполисных отношениях, склоняться не к конфронтации, а к политике нейтралитета.

Из всех полисов Коринфского перешейка, только Сикион к началу IV в. до н. э. фактически потерял самостоятельность, превратившись в вассала Спарты. Следовательно, весь внешнеполитический курс сикионцев полностью зависел от воли лакедемонян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жестоканов С. М.* Коринф и Спарта: старые союзники на грани войны // История. Мир прошлого в современном освещении. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 143–151.
2. *Можайский А. Ю.* Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период: дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МПГУ, 2007. 231 с.
3. *Печатнова Л. Г.* История Спарты (период архаики и классики). СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2001. 510 с.
4. *Фролов Э. Д.* Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2001. 602 с.
5. *Хаммонд Н.* История Древней Греции / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 703 с.
6. *Geyer F.* Sikyon // RE, 2. Reihe, Bd. II, Hbbd. 4, 1923. Sp. 2528–2549.
7. *Glötz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. III. La Grèce au IV-e siècle: La lutte pour l'hégémonie (404–336) / Université Paris Dauphine. Paris, 1941. 538 p.
8. *Griffin A.* Sikyon / Oxford University Press, Oxford. 1982. 190 p.
9. *Griffin G. T.* The Union of Corinth and Argos (392–386 B.C.) // Historia. 1950. Bd. 1. Ht. 2. P. 236–256.
10. *Hamilton C. D.* Sparta's Bitter Victories: Politics and Diplomacy in the Corinthians War / Cornell University Press, Ithaca, London, 1979. 346 p.
11. *Hornblower S.* The Greek World, 479–322 B.C. / Taylor & Francis, London, New York, 1983. 354 p.
12. *Kagan D.* The Economic Origins of the Corinthian War // La Parola del Passato. 1961. Vol. 16. P. 321–341.
13. *Legon R. P.* Megara. The political history of a greek city-state to 336 B.C. / Oxford University Press, Ithaca, London, N.Y. 1981. 321 p.
14. *Meyer E.* Megara // RE. Bd. XV. Hbbd. 29. 1931. Sp. 152–210.
15. *Perlman S.* The Causes and the Outbreak of the Corinthian War // Classical Quarterly Vol. 58, 1964. P. 64–81.
16. *Salmon J. B.* Welthy Corinth: A History of the City to 338 B.C. / Clarendon Press, Oxford, 1984. 464 p.
17. *Sealey R.* A History of the Greek City States ca 700–338 B.C. / University of California Press, Berkeley, Los Angeles, 1976. 516 p.
18. *Skalet C. H.* Ancient Sicyon, with a prosopographia Sicyonia / Johns Hopkins Press, Baltimore, 1928. 223 p.

REFERENCES

1. *Zhestokanov S. M.* Korinf i Sparta: starye soyuzniki na grani voyny // *Istoriya. Mir proshlogo v sovremennom osveshchenii*. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2008. S. 143–151.
2. *Mozhaysky A. Yu.* Vneshnepoliticheskiy kurs Fivanskogo polisa v klassicheskiy period: dis. ... kand. ist. nauk. M.: Izd-vo MPGU, 2007. 231 s.
3. *Pechatnova L. G.* Istoriya Sparty (period arkhaiki i klassiki). SPb.: Izdatel'skiy tsentr «Gumanitarnaya Akademiya», 2001. 510 s.
4. *Frolov E. D.* Gretsiiya v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast'). SPb.: Izdatel'skiy tsentr «Gumanitarnaya Akademiya», 2001. 602 s.
5. *Khammond N.* Istoriya Drevney Gretsii / per. s angl. L. A. Igorevskogo. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2003. 703 s.
6. *Geyer F.* Sikyon // RE, 2. Reihe, Bd. II, Hbbd. 4, 1923. Sp. 2528–2549.
7. *Glötz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. III. La Grèce au IV-e siècle: La lutte pour l'hégémonie (404–336) / Université Paris Dauphine. Paris, 1941. 538 p.
8. *Griffin A.* Sikyon / Oxford University Press, Oxford. 1982. 190 p.
9. *Griffin G. T.* The Union of Corinth and Argos (392–386 B. C.) // *Historia*. 1950. Bd. 1. Ht. 2. P. 236–256.
10. *Hamilton C. D.* Sparta's Bitter Victories: Politics and Diplomacy in the Corinthians War / Cornell University Press, Ithaca, London, 1979. 346 p.
11. *Hornblower S.* The Greek World, 479–322 B. C. / Taylor & Francis, London, New York, 1983. 354 p.
12. *Kagan D.* The Economic Origins of the Corinthian War // *La Parola del Passato*. 1961. Vol. 16. P. 321–341.
13. *Legon R. P.* Megara. The political history of a greek city-state to 336 B. C. / Oxford University Press, Ithaca, London, N.Y. 1981. 321 p.
14. *Meyer E.* Megara // RE. Bd. XV. Hbbd. 29. 1931. Sp. 152–210.
15. *Perlman S.* The Causes and the Outbreak of the Corinthian War // *Classical Quarterly* Vol. 58, 1964. P. 64–81.
16. *Salmon J. B.* Welthy Corinth: A History of the City to 338 B. C. / Clarendon Press, Oxford, 1984. 464 p.
17. *Sealey R.* A History of the Greek City States ca 700–338 B. C. / University of California Press, Berkeley, Los Angeles, 1976. 516 p.
18. *Skalet C. H.* Ancient Sicyon, with a prosopographia Sicyonia / Johns Hopkins Press, Baltimore, 1928. 223 p.